

Воспоминания о «румынском коммунизме» в романе Дана Лунгу «Я коммунистическая старуха!»

Аннотация:

В романе «Я коммунистическая старуха!» Дан Лунгу развивает тему ностальгии и ловушек, которые она расставляет. В статье рассматривается образ исторического прошлого в сознании очевидцев и анализируется, как работает индивидуальная память, вытесняя определенные эпизоды, и насколько противоречивыми могут быть воспоминания разных людей об одном и том же периоде.

Ключевые слова:

история, память, румынская литература, коммунизм.

Anastasia V. USACHEVA
(Moscow)

The memory of communism in the novel by Dan Lungu «I'm an Old Commie!»

Abstract:

In his novel «Sînt o babă comunistă!» («I'm an Old Commie!»), Lungu explores the theme of nostalgia and its pitfalls. The article focuses on the image of the historical past in the minds of its eyewitnesses. It analyzes how individual memories work forcing out certain events and how they contradict each other due to their own inconsistency.

Keywords:

History, memories, Romanian literature, communism.

Оставаясь для румын противоречивым, вызывающим множество споров временем, эпоха Чаушеску последние тридцать лет находится в центре внимания ряда румынских авторов. Длившаяся с 1965 по 1989 гг., она началась с периода «оттепели» (первое десятилетие), когда практически не ощущалась цензура, в магазинах было изобилие, сельское хозяйство процветало, а завершилась «закручива-

нием гаек» и обнищанием населения в 1980-е гг., но одновременно — и полным погашением внешнего долга Румынии.

В результате революции 1989 г. государственный строй для миллионов людей в одночасье из настоящего превратился в воспоминание. Революция — это всегда акт разрыва с прошлым, акт разрушения идентичности, и целью осмысления ушедшей эпохи является восстановление утерянной связи. Я. Ассман в работе «Культурная память» вводит понятие помнящей культуры, которая имеет дело с «памятью, создающей общность»¹. «Невозможно помыслить вообще никакого социального объединения, в котором не просматривались бы — пусть в сколь угодно ослабленном виде — формы помнящей культуры»². Кроме того, исследователь выделяет особый культурный элемент коллективной памяти — «акт оживления, которым мертвый обязан волевому решению группы не допустить его исчезновения»: то, что о событиях помнят, «есть дело [...] культурной работы и сознательно-го, преодолевающего разрыв, обращения к прошлому»³. И литература становится средством такого обращения, причем не только отражая реальность, но и конструируя ее. Не случайно современные исследователи Эуджен Негрич, Санда Кордош, Дан Михайлеску характеризуют постдекабрьскую литературу* как художественный поиск национальной и культурной идентичности⁴.

В начале 1990-х гг. как отклик на желание читательской аудитории, уставшей от цензуры, узнать правду об эпохе Чаушеску в Румынии появилось большое количество документальной литературы о тюремных заключениях, депортациях и сопротивлении режиму. Румынская исследовательница Кармен Брэгару пишет: «Этому есть убедительное нравственно-политическое объяснение: читатель этих лет жаждет правды, ему нужна вся правда, подкрепленная печатным словом»⁵. В 2000-е гг. интерес к коллективной истории сменился интересом к личным историям, и ответом на него стал выход книг, центральной темой которых оказались воспоминания о жизни при коммунизме**, например, сборники «Исчезнувший мир» («O lume dispărută», 2004, под ред. Й. Манолеску), «Розовая книга коммунизма» («Cartea

* Термином «постдекабрьская литература» в Румынии обозначают произведения, написанные после румынской революции декабря 1989 г., в результате которой был свергнут режим Чаушеску.

** В румынских исследованиях обычно используется термин «коммунизм», в отечественных — «национал-коммунизм» или «социализм».

roz a comunismului», 2004, под ред. Г. Х. Декубле), книга Василе Эрну «Рожденный в СССР» («Născut în U.R.S.S.», 2007). Критик Александру Кэлинеску так объясняет это явление: «В нашей стране большие проблемы с памятью, мы совсем плохи в этом отношении. Мы живем в состоянии всеобщей тяжелой амнезии»⁶. По его мнению, интерес к воспоминаниям об ушедшей эпохе — попытка вылечить эту коллективную амнезию. То же стремление нашло отражение и в литературе авторов постдекабрьской эпохи, т.е. родившихся в конце 1960-х и начавших литературную деятельность в 1990-е гг. Можно сказать, что произведения Филипа Флориана «Маленькие пальцы» («Degete mici», 2005), Флорины Илис «Детский крестовый поход» («Cruciada copiilor», 2005), Богдана Сучавы «Ночь, в которую кто-то умер ради тебя» («Noaptea când cineva a murit pentru tine», 2010) и другие — это поиск ответа на вопрос «Кто мы после коммунизма?».

Писатель и социолог Дан Лунгу (р. 1969) создает так называемые романы переходного периода — устоявшийся в румынском литературоведении термин, обозначающий произведения, описывающие жизнь людей до революции 1989 г. и в первые два десятилетия после нее. Так, в романе «Куриный рай. Псевдороман слухов и тайн» («Raiul găinilor. Fals roman de zvonuri și mistere», 2004) речь идет о маленьком, закрытом мирке улицы Акаций, находящейся на окраине румынского провинциального городка. Ее обитатели собираются посплетничать и выпить в баре «Помятый трактор», там ничего не происходит, один день похож на другой и бывает отмечен только незначительными событиями, а люди живут для того, чтобы рассказывать и пересказывать темы настоящего и прошлого. Другой его текст, «В аду горят все лампочки» («În iad toate becurile sunt arse», 2011), — воспоминания о 1980-х гг., на которые пришлось юность главного героя Виктора, о том, как провинциальные подростки в ожидании революции коротали время в нишей стране, развлекаясь выпивкой и наркотиками. Важное место среди романов этого автора занимает и анализируемое в данной статье произведение «Я коммунистическая старуха!» («Sînt o babă comunistă!», 2007), в основу которого легло интервью Лунгу-социолога с пенсионеркой, родившейся в селе и мечтавшей жить в городе («Сейчас я тебе расскажу, как хорошо жилось при коммунизме!»⁷).

Сюжет романа строится вокруг воспоминаний и монологов главной героини — пожилой женщины Эмилии (Мики) Апостоае. Выросшая и прожившая бóльшую часть жизни при Чаушеску, Эмилия носталь-

гирует об ушедшей эпохе, собирается голосовать за партию коммунистов на выборах в ближайшее воскресенье и лелеет «великий план возрождения прошлого»: «возможно, не прямо точь-в-точь, но что-то близкое. Восстановить фабрику нереально, но мастерскую, как та, наша, — мне казалось вполне по силам»⁸ (С. 92). Написанный от первого лица роман показывает, как человек, не умеющий найти место в новой исторической реальности, пытается сохранить ускользающее прошлое, об уходе которого сожалеет, сохранить единственным доступным способом — через личную память: «я осталась в мыслях о прошлом. Когда тебе уже много лет, такое погружение в воспоминания даже приятно. Ты смотришь события прошлого, словно фильм, переставляешь их местами так, как тебе нравится, не скучая ни минуты. [...] И если прошлое прекрасно, а настоящее — катастрофа, то ворчание неизбежно» (С. 44).

Как и в других романах Лунгу — такой прием типичен, пожалуй, для всего его творчества, — героиня не меняется по мере развития сюжета, сталкиваясь с другими людьми и их точками зрения, хотя в последней главе она все же начинает сомневаться в том, что все остальные разделяют ее восприятие прошлого. Ее образ статичен, он стал символом ностальгии по коммунизму, характерной для многих представителей старшего поколения в Румынии. Сам автор находит такое объяснение этому явлению: «Мы живем сейчас в обществе, ориентированном на молодежь, а пенсионеры тоскуют по времени, когда пожилые люди были привилегированной группой, это грусть по личному золотому веку»⁹. Будучи не в состоянии расстаться с ушедшей эпохой, Эмилия начинает ощущать себя рудиментом истории, безнадежно отставшим от настоящего. Под стать героине и окружающее ее пространство, которое с самых первых страниц показано как разрушающееся: «На обратном пути я внимательнее взглянула на дом, в котором мы живем. [...] Он больше не был тем новым домом, куда мы переехали, вне себя от счастья. Прошло больше тридцати лет, и за это время его ни разу не коснулась кисть маляра. Да что уж там, он действительно весь облупился, углы побиты дождем. [...] Ступеньки подъезда выщерблены, перила расшатались и дребезжат при любом прикосновении» (С. 11). Это описание появляется в начале первой главы неслучайно, жилое пространство героини резонирует с острым ощущением упадка, присутствующего в реальной жизни. Ностальгия Эмилии просыпается с новой силой при каждой мысли об этой дегра-

дации, она страстно мечтает вновь пережить те счастливые моменты, которые были в ее коммунистическом прошлом. По мнению ряда исследователей, «никакой другой исторический период не исполнен такой значимости для современников: сегодняшние румыны, от элиты до простого человека, тысячами нитей связаны со временем, детьми которого являются и к которому обращаются с ностальгией. Сама среда обитания побуждает к этому: типовой многоквартирный дом решительно входит в картину мира республики*, чтобы больше уже ее не покидать»¹⁰.

Эмилия Апостоае отвергает мысль о том, что общество обновилось в результате революции, и надеется на возвращение старого порядка, при котором, по ее ощущению, всей ее семье жилось куда лучше. Основной конфликт романа и внутренняя драма героини — в расхождении этих чувств со взглядами окружающих, в особенности с суждениями дочери Алисы, эмигрировавшей в Канаду. Это столкновение мнений запускает длинный монолог героини о коммунистическом прошлом, сохранившиеся рудименты эпохи подпитывают ностальгию: «коммунизм пал, а фабрика, где я работала, разрушена. Огромная фабрика за несколько лет превратилась в руины, в которых растет бурьян и ютятся бродячие собаки. [...] Каждый раз, проходя мимо, я отворачиваюсь. Честно признаться, у меня душа болит. Мне всегда кажется, что там, в цеху, наши скелеты так и застыли в рабочих позах, в любой момент готовые вновь взяться за дело. Просто возникли какие-то неполадки с электричеством. Я знаю, что это все большая глупость, что то время больше не вернется, но такие вот у меня ощущения» (С. 9).

В романе сосуществуют два вектора повествования: один об Эмилии, женщине, которой не удалось адаптироваться к новому капиталистическому миру, а второй — об эпохе Чаушеску. Этот второй пласт представлен рассказами самой героини и ее подруг о том, как принимали в партию: «Меня сделали членом партии. Я говорю не „я вступила“, а именно „меня сделали“, потому что я и пальцем для этого не пошевелила. В один прекрасный день секретарь парткома нашего предприятия решил, что женщин в партии слишком мало» (С. 74); как по мелочи воровали с фабрики: «Если бы у меня в магазине девочки-продавщицы воровали так же, как мы „брали“ с фабрики, я бы

---

* Имеется в виду название страны Социалистическая Республика Румыния.

прогорела за две недели» (С. 154); как работяги рассказывали анекдоты про Хрущева или Чаушеску: «— Знаете, почему товарищ Хрущев убил кошку? — Не-е-ет. — Потому что она вместо „мя-я-яу” стала говорить „Ма-а-ао”», «Слушатель звонит на радио и спрашивает: Скажите, пожалуйста, может ли женщина рожать по три-четыре раза в один календарный год? Ведущая отвечает: Нет, товарищ Николае, точно не может» (С. 72). В своем интервью Лунгу признается в некотором упрощении и гиперболизации реалий, для того чтобы роман был понятнее западному читателю (на данный момент он переведен на десяток языков, включая французский, итальянский, испанский и венгерский)¹¹.

Сюжет о жизни Эмили разворачивается в нескольких временных и пространственных планах: в книге описано ее деревенское детство, первый опыт жизни в городе, работа на заводе. Эпизоды из детства и ранней юности, например, про заготовку всей семьей навоза, отражают характерную для тех лет мечту вырваться в город: «Когда-то давно я видела фильм с немцами. У тети Лукреции, разумеется. У нас-то даже электричества не было. „Хочу в го-о-ород!” — кричу я в ведро. Сама кричу, сама же и слышу. Мы вечером сидим при свете газовой лампы. Ее стекло коптится, особенно когда пламя маленькое, а газ плохой. Моя обязанность стекло протирать, аккуратно, чтобы не разбить. [...] Как хорошо иметь лампочки. И в очереди за газом стоять не надо. [...] „Хочу в го-о-ород!” — кричу я в колодец» (С. 18). Эмили удается выбраться из изолированного деревенского мира с помощью тети и дяди, она удачно устраивается на фабрику металлоизделий, работая в окружении дружелюбных коллег, выходит замуж и рождает дочь Алису. Благодаря всем этим событиям в сознании героини формируется позитивный образ социалистической эпохи. Ей кажется, что тогда женщина имела гораздо больше жизненных возможностей, «коммунистическая старуха» не понимает отвращения людей к диктатуре Чаушеску, ведь ее-то семья в те времена жила неплохо.

Фраза, вынесенная в заголовок романа, произнесенная сначала иронично, обнаруживает убеждения, о существовании которых сама Эмилия раньше не задумывалась. В ходе телефонного разговора с Алисой, которая хвалит канадский уклад, героиня вдруг понимает, что сама держится за ценности, привитые коммунистическим режимом. В ответ на реплику дочери: «Ох, мама, ты больше коммунистка, чем я думала!» она аргументирует свою позицию довольно наивно:

«— Ты меня раскусила. Я коммунистическая старуха, если ты этого не знала. Вот так. — А если в воскресенье кандидатом был бы Чаушеску, ты бы за него голосовала? — Об этом я не думала. Но если бы выдвинулся мой бывший шеф, его бы я выбрала президентом. Он знал, как управляться с заказами... Знал, как вести себя с людьми... Заботился о каждом...» (С. 45–46). Эмилия выстраивает собственный универсум — вселенную воспоминаний, практически идеальную, которая помогает ей обрести уверенность и в отношениях с новым миром.

Диалог матери с дочерью представляет собой столкновение ностальгирующего прошлого и активного настоящего, несущие противоположные ценности. Сюжетный ход с предстоящими президентскими выборами введен для того, чтобы противопоставить две точки зрения: живущей прошлым пенсионерки («Если бы не коммунизм, мы бы с тобой так и заготавливали бы навоз» (С. 46); «Как может быть плохой система, при которой я так хорошо жила?» (С. 140)) и революционно настроенной молодой женщины, сторонницы западной системы ценностей («Как ты говоришь с позиции своего опыта, так и я могу тебе сказать из своего: у меня нет ни одной причины сожалеть о коммунизме» (С. 46); «это плохая система, несправедливая. Которая ведет тебя к краху, даже когда лежащие в основе намерения самые хорошие» (С. 140)). По словам автора, Алиса является не просто представительницей нового, зараженного вирусом демократии поколения, но и выразительницей его взглядов¹². Спор с дочерью запускает внутреннюю драму главной героини и дает возможность сбалансировать две идейные позиции, поскольку Лунгу, принадлежа, скорее к поколению Алисы, не разделяет убеждений Эмилии. Пол Санду в статье «Встреча с судьбой» так описывает это межпоколенческое столкновение взглядов: «Разница есть и в эпохе, и в историческом ритме, а не только в менталитете поколений. Если молодость матери пришлось на активную фазу румынского социализма с его бесчисленными стройплощадками, где возводились жилые кварталы, огромные заводы, дамбы, гидроэлектростанции и все остальное, то детство дочери [...] прошло в период отката, с фантасмагорическим выполнением пятилетки за четыре года, с лживым представлением обо всем происходящем, чтобы удовлетворить паранойю Вождя. [...] Молодые читатели, вполне возможно, подумают, что Дан Лунгу выдумывает, доводит до абсурда. На самом деле, он описывает реалии режима 1980-х гг. То, что сегодня кажется абсурдным, еще вчера было реальностью»¹³.

Внутренний конфликт Эмилиии усиливается, когда она начинает сомневаться в своей правоте, потерявшись в неразрешимой дилемме: «А был ли возможен коммунизм без коммунистов „из тех“*? Если нет, хотела ли бы я все так же возвращения коммунизма? Если только такими были коммунисты, тогда я бы не хотела быть коммунисткой. Не хотела бы, но была. Можно ли быть кем-то помимо своего желания?» (С. 48).

В финале романа внутреннее напряжение героини постепенно нарастает, усиливается, когда она сталкивается с отсутствием поддержки своих ровесниц. Встретившись с сестрой Сандой и бывшей коллегой Аурелией, она с удивлением обнаруживает, что идея восстановить связь с другими бывшими коллегами и вернуть атмосферу прошлого не встречает поддержки и одобрения. Видя такое неприятие со стороны тех, чье мнение оказывается для нее важным, героиня начинает более скептически относиться к собственным ожиданиям. Память оказывается «ящиком Пандоры», из которого вырываются ужасные картины прошлого, потому что память — это субъективный акт, и человек может сам неосознанно выбирать, что именно он хочет помнить, а о чем предпочтет забыть. «Великий план» Эмилиии возродить прошлое терпит крах, героиня вдруг понимает: общей для всех коллективной памяти не существует, она складывается из индивидуальных воспоминаний. «Я чувствовала, что мое прошлое больше мне не принадлежит. В игру вступили новые фигуры, которые совсем сюда не подходили, которые заставили меня начать партию с самого начала. Всплывали другие воспоминания. Жесты и чувства, про которые я забыла. Те же места, те же люди, то же время, но другие события. [...] Мне казалось, что вся моя семья до недавнего времени была счастлива. Сейчас... все начало разваливаться на глазах. Как давно сестра моя видит во мне коммунистическую старуху? Почему наши воспоминания оказались такими разными?» (С. 156).

Присутствует в романе и еще один женский персонаж — противопоставленная Эмилиии госпожа Розалия, дочь «врага народа», ее позиция является идейной альтернативой коммунистической ностальгии главной героини: «Вот что такое мой коммунизм: он отобрал мастерскую моего отца, он не позволил мне стать художницей, он лишил мою жизнь всех красок» (С. 138). Отец госпожи Розалии Антон Бузински до

* Партийных работников старой формации, тех, «кто проводил линию партии безоглядно, не заботясь о людях, не вникая в конкретные обстоятельства» (С. 48).

Второй мировой войны был зажиточным портным, у которого одевались самые богатые жители города. На фронт он не попал из-за увечья, однако коммунисты посчитали это предательством. Ателье Бузински национализировали, устроиться на работу, имея клеймо врага народа, было невозможно. Десять лет семья нищенствовала, живя продажей отрезков ткани, которые удалось спрятать перед приходом к власти коммунистов. Розалия росла с мечтой стать художницей, рисовала карандашами, потому что краски были слишком дороги. Но когда пришла пора поступать в университет, выяснилось, что детям врагов народа дорога к высшему образованию закрыта: «Место, занятое ребенком кулака, — это место, украденное у ребенка пролетария» (С. 136). В итоге госпожа Розалия стала портнихой, как и ее отец, однако горечь о несбывшейся мечте осталась в ее душе на всю жизнь. В момент встречи героинь происходит столкновение двух судеб: одну режим изуродовал, другой дал то, о чем она и мечтать не смела. «Я рассказала о споре, который возник у нас с Алисой, о нашем непонимании. Госпожа Розалия вся обратилась в слух. Потом она немного застенчиво улыбнулась и сказала мне с куда большей прямоотой, чем я ожидала: „Дорогая госпожа, мне очень жаль, но я думаю, что девочка права”» (С. 107).

Столкнувшись с либеральными идеями дочери, узнав историю госпожи Розалии во всей ее несправедливости и обнаружив, что воспоминания бывшей коллеги и сестры сильно отличаются от ее собственных, Эмилия оказывается лицом к лицу с реальностью. Она начинает задумываться, анализировать, сомневаться, однако, как и в других романах Лунгу, развязки как таковой не случается. Не в силах отказаться от веры в коммунизм и понимая, что новое неотвратимо наступает, женщина решает сохранить статус-кво: «Сегодня утром я проснулась старой. Завтра? Ах да, завтра же выборы... Думаю, что я останусь преспокойненько дома и... найду, чем заняться» (С. 157).

Важно отметить, что романы Лунгу — и «Я коммунистическая старуха!» не исключение — реконструируют не сам период до 1989 г., а память о нем и чувства, которые эта память вызывает. Изображаемые персонажи обречены на бесконечное проживание прошлого в своем сознании, и это прошлое рисуется из двух перспектив: внутренней — героев произведения, и внешней — автора. В отличие от коллег по цеху, Лунгу не стремится к отстраненности и «объективности», его позиция ясна с первых страниц, а иногда, как в романах «Куриный рай» или «В аду горят все лампочки», — уже из названия. Таким об-

---

разом, автор выводит проблематику за пределы сугубо национального дискурса, сталкивая коллективную и индивидуальную память и обнаруживая их противоречивость, а порой и противоположность, показывая субъективный характер личных воспоминаний, построенных на вытеснении одних эпизодов и приукрашивании других. Его произведения — важный вклад в размышления румынских интеллектуалов о феномене культурной памяти и самоидентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 30.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 34–35.
- ⁴ См.: *Mihăilescu D. C.* Literatura română în postceaușism. Vol II: Proza. Prezentul ca dezumanizare. Iași, 2006; *Negrîci E.* Iuziile literaturii române. Busurești, 2008; *Cordoș S.* Lumi din cuvinte. Reprezentări și identități în literatura română postbelică. București, 2012.
- ⁵ *Брэгару К.* Увлекательная мозаика. Штрихи к портрету румынской литературы 1990-х годов (пер. с рум. М. Фридмана) // Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. Прерывность — непрерывность литературного процесса. М., 2002. С. 292–293.
- ⁶ Цит. по: *Corlatan M.* 13 scriitori ieșeni au scos «Cartea roz a comunismului». Ziarul de Iași, 26.05.2004. URL: <https://www.ziaruldeiasi.ro/local/iasi/13-scriitori-ieseni-au-scos-carte-a-roz-a-comunismului-ni3daj> (дата обращения: 16.01.2019).
- ⁷ Цит. по: *Stoleru I.* Dan Lungu, despre nostalgia paradoxală a romanilor dupa comunism. «Suplementul de cultură». № 380. 2013. URL: <http://suplimentuldecultura.ro/8253/dan-lungu-despre-nostalgia-paradoxala-a-romanilor-dupa-comunism/> (дата обращения: 16.01.2019).
- ⁸ Здесь и далее роман «Я коммунистическая старуха!» с указанием страниц в круглых скобках цитируется по изданию: *Lungu D.* Sînt o babă comunistă. Iași, 2010. Перевод выполнен автором статьи.
- ⁹ Цит. по: *Stoleru I.* Dan Lungu, despre nostalgia paradoxală a romanilor dupa comunism.
- ¹⁰ *Cernat P., Manolescu I., Mitchievici A., Stanomir I.* Explorări în comunismul românesc. Vol. III. Iași, 2008. P. 261.
- ¹¹ Цит. по: *Stoleru I.* Dan Lungu, despre nostalgia paradoxală a romanilor dupa comunism.
- ¹² Ibid.
- ¹³ *Sandu P.* Întîlnirea cu destinul. România literară. 2007. № 10. URL: http://www.romlit.ro/index.pl/ntlnirea_cu_destinul (дата обращения: 16.01.2019).